

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47). 084.3+321.01

«ЗАМЕНИТЕЛЬ НАПОЛЕОНА». К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИЯХ «СОВЕТСКОГО БОНАПАРТИЗМА»¹

Т. А. Филиппова

Российская академия наук, Институт российской истории, г. Москва

В статье Т. А. Филипповой анализируется история трактовки «советского бонапартизма в двух аспектах: как «продукта» страха, устойчивого социопсихологического состояния части постреволюционного общества, и как важного фактора в системе представлений, начавшей формироваться в советской властной элите с самого момента её появления в качестве таковой. Исследовательский материал наглядно демонстрирует, что бонапартистская схема как «репертуар» иррациональных состояний, угроз и обвинений, довлела над умами советских руководителей, толкая их порой на превентивные репрессивные меры в отношении военачальников, заподозренных в «бонапартистских» амбициях. Но эта же схема с парадоксальной эффективностью позволяла и вполне рационально использовать сложившийся стереотип «советского Бонапарта» в своих политических целях. Подобная рациональность при создании и утилизации исторических символов, личных прецедентов, ролевых функций, традиционных фобий и актуальных обвинений по поводу «бонапартистских угроз» действовала и воспроизводила себя в мифологическом пространстве советского властного дискурса. Исследование показывает, что феномен «советского бонапартизма» в зеркалах научных и общественных представлений является интереснейшим и до конца не изученным объектом, нуждаясь в новых познавательных стратегиях и расширении границ толкований.

Ключевые слова: *Советский бонапартизм, гражданская война в России, советское государство, мировая революция, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, М. Н. Тухачевский, Г. К. Жуков, Наполеон Бонапарт, Луи Бонапарт, военный переворот, рабочая демократия.*

Трактовка бонапартизма как явления имеет глубокие марксистские корни, что, впрочем, не умаляет методологической значимости подобного подхода к самому феномену. Исток его – в подобном ракурсе – следует искать в восприятии ситуации, когда после революции к власти приходит лидер, претендующий на то, чтобы выражать интересы всех классов общества. Но при этом не опираться непосредственно ни на один класс, а только на бюрократию и армию. Исходя из этого, можно сделать вывод, что «Бонапарт» – как своего рода функция или персонифицированная властная закономерность – представляет собой не просто военачальника, но победоносного полководца-харизматика. И при этом, что немаловажно, является «про-

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00160а

дуктом» страха как устойчивого социопсихологического состояния части постреволюционного общества. Сохраняя часть завоеваний революции, он останавливает её поток, вводя его в стремнину новой законности. И тем самым получает поддержку политических и социальных сил, опасаящихся дальнейшего развития революционного кризиса, но заинтересованных в сохранении выгодных для себя перемен, произведённых революцией.

В своей ставшей классической работе «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта» Карл Маркс писал о своём герое, применяя в ходе анализа политико-культурного феномена приёмы историко-психологического подхода:

«Бонапарту хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов. Но он не может дать ни одному классу, не отнимая у другого... Терзаемый противоречивыми требованиями своего положения, находясь при этом в роли фокусника, вынужденного все новыми неожиданностями приковывать внимание публики к себе, как к **заменителю Наполеона** (выделено нами.– *Т. Ф.*), другими словами – совершать каждый день государственный переворот в миниатюре, Бонапарт погружает все буржуазное хозяйство в сплошной хаос, посягает на все, что революции 1848 г. казалось неприкосновенным, одних приучает равнодушно относиться к революции, а других возбуждает к революции, создает настоящую анархию во имя порядка и в то же время срывает священный ореол с государственной машины, профанирует её, делает ее одновременно отвратительной и смешной»².

Неудивительно, что подобный подход и подобная политическая риторика оказались очень выигрышными с прагматической точки зрения для В. И. Ленина при оценке и интерпретации поведения буржуазии в России в период, последовавший за июльским кризисом 1917 г. Её политику в этом историческом контексте он, собственно, и оценивал как бонапартистскую. Заостряя трактовку явления и нагнетая идеологическую фобийность его восприятия, Ленин писал: «Бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции»³.

Закономерным продолжением этой линии теоретической проработки бонапартизма стала чеканная формулировка-инвектива из Большой Советской Энциклопедии. В ней бонапартизм определялся как термин, который «первоначально употреблялся для обозначения военных диктатур Наполеона Бонапарта и Луи Бонапарта, а впоследствии был распространён на любую контрреволюционную диктатуру крупной буржуазии, опирающуюся на военщину и на реакционно настроенные слои отсталого крестьянства

² *Маркс К.* 18 брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 8. С. 215–217.

Marks K. 18 brümera Lui Bonaparta // Marks K., E`ngel`s F. Sobr. soch. T. 8. S. 215–217.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 83.

Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 34. S. 83.

и лавирующую между борющимися классами в условиях неустойчивого равновесия классовых сил»⁴.

Исторические пристрастия и политические лояльности большевиков сыграли значительную роль в том, что потом проявит себя в форме устойчивых опасений по поводу перспективы появления «советских бонапартов». Наспех формирующийся «пантеон» большевизма вобрал в себя и Маркса, и героев Великую французскую революцию (с которой постоянно сравнивали Великую русскую революцию), да и весь опыт французской революционной традиции, включая прецедент Парижской коммуны. Не удивительно, что, сразу же после прихода к власти, в большевистском руководстве стали внимательно приглядываться к фигурам потенциальных «бонапартов» – как в своих рядах, так и среди ярких фигур военачальников, сочувствовавших революции. Особые опасения вызывало и то, что Россия была страной по преимуществу крестьянской. Выходцы из деревни, естественно, преобладали и в Красной Армии, вызывая у бдительной и не вполне уверенной в стабильности своей власти большевистской верхушки подозрения в готовности откликнуться на призыв нового «бонапарта». Будь то бывшие белые офицеры, перешедшие на сторону революции, или же энергичные выходцы из крестьянской среды, заработавшие себе сомнительную славу «подвигами» в Гуляйполе.

На противоположном «полюсе» политических и идеологических пристрастий существовали схожие оценки перспективы (и закономерности) «бонапартизации» революционного процесса, и как исторического явления, и как политической реальности. Так, русско-американский социолог Питирим Сорокин на опыте небывалых военных и революционных катаклизмов начала XX в. писал в 1923 г.: «Так как... революция – это война, то, как всякая война, она не может не выдвигать в первые ряды профессионалов этого дела. Поскольку вопросы справедливости и истины начинают решаться физической силой, поскольку «оружие критики» заменяется «критикой оружием», то рост власти военных – будут ли ими Цезарь или Август, Кромвель или Дюмурье, Ян Жижка, Прокоп, Наполеон, Монк или Врангель, Мак-Магон, Людендорф, У Пэй Фу или Чжан Цзолинь – неизбежен. Революция, столь презрительно третирующая военщину и милитаризм, сама является их квинтэссенцией и сама готовит – неизбежно готовит – диктатуру военщины. Выдвижение на первые ряды руководителей «критики оружием» – необходимая функция всякой революции».

Показателен, хотя и неровен, авторский перечень наиболее характерных «военно-революционных» лидеров этого формата – от античной классики до советского «авангарда»: Марий, Цинна, Серторий, Антоний, Помпей, Цезарь, Август, Ян Жижка, Прокоп Большой, Кромвель, Ферфакс, Монк, Дюмурье, Наполеон, Врангель, Кавеньяк, Мак-Магон, Брусилов, Слащев,

⁴ Бонапартизм // БСЭ. 3-е изд. / [Электронный ресурс]: URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Бонапартизм/> Заголовок с экрана.

Bonapartizm // BSE. 3-е изд. / [Elektronnyy resurs]: URL: <http://slovari.yandex.ru/~knigi/BSE/Bonapartizm/> Zagolovok s ekrana.

Буденный, Тухачевский, Фрунзе, Каменев. Как полагает П. Сорокин, это те, кому, пользуясь выражением К. Меттерниха, относящимся к Наполеону, удавалось «конфисковать Революцию в свою пользу»⁵.

Подобный эклектизм и размытость принципов отбора исторических кандидатов в политические «бонапарты» сводит размышление выдающегося социолога к культурной метафоре или риторической образности. Ибо список кандидатов в «советские бонапарты» применительно к России начала XX в. выглядит довольно странно, мало соответствуя реалиям и специфике политической жизни и властной практики – как в предреволюционной, так и в Советской России. Из перечисленных российских военных деятелей, в которых социолог видел потенциальных «бонапартов», всерьёз в качестве такового рассматривался только М. Н. Тухачевский. П. Н. Врангель, изгнанный из России с остатками своей армии и интернированный в Галлиполи, не был способен предпринять поход на Москву. А генерал А. А. Брусилов и формальный главнокомандующий Красной Армией полковник С. С. Каменев не обладали бонапартистскими амбициями и не вызвали бонапартистских симпатий в армейской среде. (Брусилов занимал номинальные должности председателя Особого совещания при главкоме и инспектора кавалерии. А Каменев, при том, что имел определённый объём власти как главком, на деле выполнял роль военспеца при председателе Реввоенсовета Л. Д. Троцком, не мог самостоятельно распоряжаться войсками и решать единолично принципиальные вопросы. Показательно, что в апреле 1924 г., когда отставка Троцкого была уже предрешена, Каменев без проблем был переведён на малозначащую должность инспектора РККА.)

Бывший белый офицер Я. А. Слащов, обременённый губительным пристрастием к алкоголю, популярностью в Красной Армии не пользовался. С учётом же того, что войска под его командованием вели в своё время активные боевые действия против Нестора Махно и других повстанческих атаманов на юге Украины, роль нового «бонапарта» – крестьянолюба Якову Александровичу мало подходила. И – в финале – он был убит одним из курсантов, мстивших за своих родных, расстрелянных по его приказу. Фрунзе также не играл самостоятельной политической роли, да и не претендовал на подобную роль. Будённый же, вызывая у большевиков некоторое раздражение из-за своей популярности у крестьянства, не имел политических амбиций и всерьёз не подозревался как претендент в «советские бонапарты». Тогда как кандидатство Тухачевского на эту роль подкреплялось даже определённым сходством биографий будущего маршала Советского Союза и честолюбивого корсиканца. Это ощущало не только советское руководство, но и наблюдатели из среды белой эмиграции. Русский философ И. А. Ильин, связывавший определённые ожидания с внутренней эрозией большевистского режима, внимательно наблюдал за новыми действующими лицами на подмостках Советской России и в какой-то момент предположил, что уход

⁵ Сорокин П. А. Социология революции. М., 2008. С. 241–243.
Sorokin P.A. Sociologia revolutii. M., 2008. S. 241–243.

Ленина со сцены приведёт Советскую Россию на порог «бонапартизма», возможное олицетворение которого он видел в Тухачевском⁶.

Признанным теоретиком феномена «советского бонапартизма» стал Л. Д. Троцкий, сам подозревавшийся в подобных интенциях. Впервые термин «бонапартизм» прозвучал у Троцкого по отношению к реалиям советского государства в 1933 г. в статье «Классовая природа советского государства». В этой же работе имеется отдельный параграф «Бонапартизм» с авторской дефиницией самого явления: «Поскольку бюрократическое лавирование увенчалось личным плебисцитарным режимом Сталина, можно говорить о советском бонапартизме. Но если бонапартизм обоих Бонапартов, как и нынешних жалких последышей, развертывался и развертывается на основе буржуазного режима, то бонапартизм советской бюрократии имеет под собой почву пролетарского режима. Терминологические новшества или исторические аналогии могут представлять те или иные удобства для анализа, но не могут изменить социальной природы советского государства»⁷.

Здесь важно ощутить осторожное дистанцирование Троцкого от прямого уподобления социальной подосновы различных бонапартизмов, при сохранении аналогий в области политических стратегий и оценки масштабов явления. Обращает на себя внимание, что Лев Давидович упорно подчёркивает (вслед за Марксом) тот факт, что в новых исторических условиях новое «издание» бонапартизма» играет – в лице своих новых носителей – на понижение человеческой планки этой исторической формы лидерства. Личностный аспект играл, как представляется, немалую роль в подобной оценке явления. Для бывшего наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета РСФСР и СССР его главный противник – Сталин – был таким же жалким персонажем, как для Маркса Наполеон III. Но племянник Наполеона I и император Второй империи паразитировал на буржуазном государстве, которое, по Марксу, заслуживало уничтожения, каковое и приближал бонапартизм. Сталин, по мнению Троцкого, паразитировал на коммунистическом, пролетарском государстве, представлявшем собою дело жизни Льва Давидовича. А поэтому, даже в пылу жёсткой критики Сталина и в стремлении приблизить его личное падение, Троцкого волновала мысль о необходимости сохранить в целостности советское социалистическое государство как оплот будущей мировой революции и – в случае падения «тирана» – не потерять эту важнейшую стратегическую перспективу.

Продолжение линии политического морализаторства по поводу сходства ситуации в постреволюционной Франции и постреволюционной России обнаруживаем в статье Троцкого «Рабочее государство, термидор и бонапартизм», где автор утверждает: «Было бы нелепым педантизмом пытаться приурочить отдельные этапы русской революции к сходным собы-

⁶ Минаков С. Т. 1937 год. Заговор был! М., 2010. С. 37.

Minakov S.T. 1937 god. Zagovor by! M., 2010. S. 37.

⁷ Троцкий Л. Д. Классовая природа советского государства (Проблемы Четвертого Интернационала) // Бюллетень оппозиции. № 36–37. Окт. 1933 г.

Trotsky L.D. Klassovaya priroda sovetskogo gosudarstvam (Problemy` Chetvertogo Internatsionala) // Biulleten` oppozitsii. № 36–37. Oktiabr` 1933 g.

тиям в конце XVIII века во Франции. Но прямо-таки бросается в глаза, что нынешний политический режим Советов чрезвычайно напоминает режим первого консула, притом к концу консульства, когда оно приближалось к империи. Если Сталину не хватает блеска побед, то режимом организованного пресмыкательства он, во всяком случае, превосходит первого Бонапарта. Такая власть могла быть достигнута лишь путем удушения партии, советов, рабочего класса в целом. Та бюрократия, на которую опирается Сталин, связана материально с результатами завершившейся национальной революции, но не имеет с развивающейся интернациональной революцией никаких точек соприкосновения. По образу жизни, интересам, психологии нынешние советские чиновники отличаются от революционных большевиков не менее, чем генералы и префекты Наполеона отличались от революционных якобинцев»⁸.

Из этого наблюдения Троцкий делает далеко идущие выводы: «Нынешний политический режим СССР есть режим “советского” (или антисоветского) бонапартизма, по типу своему ближе к империи, чем к консульству... По своим социальным основам и хозяйственным тенденциям СССР продолжает оставаться рабочим государством... Противоречие между политическим режимом бонапартизма и потребностями социалистического развития представляет важнейший источник внутренних кризисов и непосредственную опасность самому существованию СССР, как рабочего государства...

Неизбежное крушение сталинского политического режима лишь в том случае приведёт к установлению советской демократии, если устранение бонапартизма явится сознательным актом пролетарского авангарда. Во всех других случаях на смену сталинизму могла бы придти только фашистско-капиталистическая контрреволюция»⁹.

Откровенный намёк Троцкого на то, что «бонапарта» - Сталина может свергнуть другой «бонапарт», «фашистско-капиталистический» контрреволюционер, не менее важен, чем употреблённый им союз «или» в дефиниции бонапартизма в СССР (советский – антисоветский). Желанной анти-тезой подобному бонапартизму, выхолостившему саму идею «советскости», для Троцкого оказывается свержение Сталина посредством демократической революции – во имя сохранения «рабочего государства».

Тогда же Троцкий дал уточняющее определение бонапартизма как распространённого политического феномена в эпоху кризиса буржуазных демократий и укрепления крайних форм преодоления этого кризиса – фашизма и большевизма. Под бонапартизмом «мы понимаем такой режим, когда экономически господствующий класс, способный к демократическим методам правления, оказывается вынужден в интересах сохранения своей собственности, терпеть над собою бесконтрольное командование военно-

⁸ Троцкий Л. Д. Рабочее государство, термидор и бонапартизм // Бюллетень оппозиции. № 43. 1935. 1 февр.

Trotsky L.D. Rabochee gosudarstvo, termidor i bonapartizm // Biulleten` oppozitcii. № 43. 1935. 1 fevralia.

⁹ Там же.

Ibidem.

полицейского аппарата, увенчанного “спасителем”. Подобное положение создается в периоды особого обострения классовых противоречий: бонапартизм имеет целью удержать их от взрыва. Буржуазное общество не раз проходило через такие периоды, но это были так сказать лишь репетиции. Нынешний упадок капитализма не только окончательно подкопал демократию, но и обнаружил полную недостаточность бонапартизма старого типа: его место занял фашизм. Однако, мостом между демократией и фашизмом (в России 1917 г. – “мостом” между демократией и большевизмом) оказывается “личный режим”, поднимающийся над демократией, лавирующий меж двух лагерей и охраняющий в то же время интересы господствующего класса: достаточно дать это определение, чтоб термин бонапартизм оказался полностью обоснован»¹⁰.

Очевидно, что на данном этапе осмысления проблемы для Троцкого особо важно было подчеркнуть этапный, переходный характер цезаристско-бонапартистской альтернативы, имевшей в его интерпретации вынужденный, временный характер.

В 1936–1937 гг. из своего мексиканского далека Троцкий пишет статью о «сталинском термидоре» – «Преданная революция». В этой работе, подводящей итоги «бонапартистской» теме своих теоретических поисков, Лев Давидович предпринимает некоторую систематизацию прецедентов интересующего его феномена и встраивает сталинизм в систему цезаристских правлений. Начиная с упоминания устоявшегося толкования цезаризма-бонапартизма («цезаризм, или его буржуазная форма, бонапартизм, выступает на сцену в те моменты истории, когда острая борьба двух лагерей как бы поднимает государственную власть над нацией и обеспечивает ей, на вид, полную независимость от классов, а на самом деле – лишь необходимую свободу для защиты привилегированных»), Троцкий стремится вычленив важнейшее политико-государственное свойство сталинского режима, определяющее его специфику в общем «репертуаре» мировых прецедентов бонапартизма. Этот режим, подчёркивает он, «возвышается над политически атомизированным обществом, опирается на полицейский и офицерский корпус и не допускает над собою никакого контроля, представляет явную вариацию бонапартизма, нового, ещё не виданного в истории типа. Цезаризм возник в условиях потрясаемого внутренней борьбой рабского общества. Бонапартизм есть одно из политических орудий капиталистического режима, в его критические периоды. Сталинизм есть разновидность той же системы, но на фундаменте рабочего государства, раздираемого антагонизмом между организованной и вооруженной советской аристократией, и безоружными трудящимися массами»¹¹.

¹⁰ Троцкий Л. Д. Ещё к вопросу о бонапартизме // Бюллетень оппозиции. № 43.

Trotsky L.D. Eshche k voprosu o bonapartizme // Biulleten` oppozitcii. № 43.

¹¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? 1936. (<http://polit-kniga.narod.ru>)

Trotsky L.D. Predannaia revoliutciia. Chto takoe SSSR i kuda on idet? 1936. (<http://polit-kniga.narod.ru>)

Политическое мышление и политическое поведение Л. Д. Троцкого, центрированные идеей мировой революции, предопределяли и его вывод об основной причине торжества «бонапартизма» в СССР – «запоздалость мировой революции». По этой же причине, по его мнению, в европейских странах появился и феномен фашизма. Срыв этой желаемой им глобальной революционной перспективы и привёл, по его мнению, к наименее желательному сценарию развития мировой истории.

Другие вожди революции и государственные деятели советского времени, такие, как Ленин и Сталин, трактовали бонапартизм в другом ключе – гораздо конкретней и приземлённей, чем Маркс и Троцкий. Для них это явление – классический вариант захвата власти выдвинутым революцией победоносным полководцем. Вполне закономерно такая дефиниция исключала из числа бонапартистских режим самого Сталина, к моменту захвата власти не являвшегося полководцем, тем более победоносным. Придя к власти как партийный аппаратчик, он быстро осознал, что даже поддерживавшие революцию и большевистский режим массы, устали от «вечного боя», тягот и нестабильности. Именно поэтому его оппоненты (Троцкий, Зиновьев и пр.), были обречены проиграть в партийных баталиях, упорно апеллируя к народу в ожидании «перманентных», мировых и прочих революционных катаклизмов. Сталин же опирался, прежде всего, на аппарат, партийный и государственный, иначе говоря, на бюрократию, чиновничество. И при этом, как и другие советские вожди, опасался классического бонапартизма с самой победы Октября как хорошо известного по европейской истории алгоритма нисходящей линии революции. (Отметим: первым кандидатом на роль Бонапарта стал для них бывший подполковник царской армии М. А. Муравьев, успешно командовавший советскими войсками во время выступления Керенского – Краснова на Петроград и последующего успешного похода на Украину в январе 1918 г.)

Видный британский последователь Троцкого Т. Грант в книге «Россия: от революции до контрреволюции» (1997) вслед за Львом Давидовичем определяя сталинский режим как форму пролетарского бонапартизма, подчёркивал в специальном параграфе «Сталинизм: форма бонапартизма», что в Советском Союзе государство «явно представляет интересы сталинской бюрократии. Но как особая форма бонапартизма, в конечном счёте, оно представляет рабочий класс, пока оно защищает национализированные средства производства, планирование и монополию внешней торговли». Подобная «опосредованность» представительства привела, по мнению Гранта, к тому, что «сталинская бюрократия являлась не новым правящим классом, как утверждали Дж. Бурнхам, М. Шахтман, М. Джилас, Дж. Куронь и Т. Клифф (в компании с буржуазией и правым крылом лейбористской партии), а паразитической кастой, не играющей никакой роли в процессе производства. Именно по этой причине значительные реформы сверху были исключены». Автор добавлял при этом, стремясь хотя бы риторически разделить «демократический» и «недемократический» периоды истории советского государства: «Рабочая демократия, существовавшая при Ленине и Троцком, была заменена бюрократическим режимом Сталина.

Хотя политические формы и были совершенно другими, чем в первые годы революции, отношение к национализированной собственности сохранилось»¹².

Идейно-риторический окрас подобного умозаключения задавал трактовке бюрократии сугубо негативный смысл, отказывая ей в нейтральной функциональности. Потому и не вполне понятным оставался вопрос, каким образом оппоненты Сталина собирались строить новое государство без управленческого аппарата. Возможно, они сохраняли надежду на победу мировой революции и отмирание государства? Однако Троцкий уже в конце гражданской войны крайне скептически оценивал возможность скорого наступления мировой революции в Европе, поэтому-то и ориентировался на существование советского государства как политическую реальность. Но если Троцкий допускал борьбу и конкуренцию различных фракций и платформ, ограничивающую всевластие бюрократии, то Сталин упорно и успешно шёл по пути установления единоличной диктатуры.

Грант особо выделял бонапартистско-надклассовую природу сталинского бюрократизма, паразитически утилизовавшего новые отношения собственности, добытые революцией¹³. Безусловно, Т. Грант вслед за Троцким и его последователями слишком жёстко ограничивал анализ советского бонапартизма методологией марксистской схемы. Но ему удалось во многом точно охарактеризовать главную опору Сталина, им же созданную в виде зависимой от него бюрократии, готовой оттеснить от реальной власти и старую большевистскую «гвардию», и тем более выходцев из других партийных кругов. И всё же назвать Сталина единственным удавшимся «советским бонапартом» можно лишь весьма условно. (Его приход к власти, в отличие, к примеру, от Луи Бонапарта, не был предопределён поддержкой армии, тогда более лояльной Троцкому.) Но даже если принять за данность троцкистское представление о Сталине как «бонапарте», то, продолжая эту во многом образную линию интерпретации прецедента, можно заключить: Иосиф Виссарионович стал первым и последним «бонапартом», который, сделавшись «императором-Наполеоном», исключил появление любых других воплощений прототипа.

Современная отечественная историография темы центрируется, как правило, проблемами соответствия и обоснованности претензий тех или иных «кандидатов» на роль «советских бонапартов», а также опасений советских властей по поводу реальных или мнимых «бонапартистских» угроз режиму со стороны успешных военачальников¹⁴. Иную линию интереса к

¹² Грант Т. Россия: от революции до контрреволюции // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.revkom.com/index.htm?biblioteka/levie/tedgrant/priroda.htm>. Заголовок с экрана.

Grant T. Rossiia: ot revoliucii do kontrevoliucii // [Elektronnyi resurs]: URL: <http://www.revkom.com/index.htm?biblioteka/levie/tedgrant/priroda.htm>. Zagolovok s ekrana.

¹³ Там же.

Ibidem.

¹⁴ Минаков С. Т. Сталин и его маршал. М., 2004; Мишина А. В. Н. А. Григорьев – атаман повстанцев Херсонщины // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15); Зданович А. «Тёплая компания «Красного Бонапарта» // Родина. 2010. № 12. С. 43–47; Га-

феномену прочерчивает замысел С. С. Секиринского¹⁵. Исследователь наметил особый, историко-психологический подход к феномену в широком контексте пред- и постреволюционной политико-культурной ситуации, но, к сожалению, не успел до конца реализовать свои планы.

Важные объясняющие стратегии по поводу феномена «советского бонапартизма» содержатся в работах В. П. Булдакова, оперирующего инструментарием психоисторического анализа в ракурсе этнонациональных аспектов революционного кризиса¹⁶.

Конкретно-исторические исследования на заявленную тему представлены на данный момент главным образом работами, посвященными жизни, смерти и делу Михаила Тухачевского. Сквозь призму личности и судьбы полководца авторы проникают в суровую повседневность советского общества и властной элиты, в жизнь и проблемы развития Красной Армии в 1920-1930-х гг. Один из ведущих специалистов по данной проблематике, Б. В. Соколов в трактовке биографии и объяснении судьбы Тухачевского концентрируется на коллизиях вокруг темы существования «военно-фашистского заговора». И на основе документов эпохи приходит к выводу о том, что никакого «заговора Тухачевского в действительности не существовало»¹⁷.

нин А. «Смоленск продиктует свою роль Москве». Военная элита и подготовка бонапартистского переворота в СССР // Родина. 2013. № 4. С. 88–90; Лазарев С. Е. В поисках «русского Бонапарта». «Заговор маршалов» был выдуман в Париже? (Точки зрения. Суждения. Версии) // Военно-исторический журнал. 2013. № 5. С. 51–54.

Minakov S. T. Stalin i ego marshal. M., 2004; Mishina A. V. N.A. Grigor`ev – ataman povstantcev KHersonshchiny`. // Novy`i` istoricheskii` vestnyk. 2007. № 1 (15); Zdanovich A. «Tyoplaia kompaniia «Krasnogo Bonaparta» // Rodina. 2010. № 12. S. 43–47; Ganin A. «Smolensk prodiktuet svoiu rol` Moskve». Voennaia e`lita i podgotovka bonapartistskogo perevorota v SSSR // Rodina. 2013. № 4. S. 88–90; Lazarev S. E. V poiskakh «russkogo Bonaparta». «Zagovor marshalov» by`l vy`duman v Parizhe? (Tochki zreniia. Suzhdeniia. Versii) // Voенно-istoricheskii` zhurnal. 2013. № 5. S. 51–54.

¹⁵ Секиринский С. С. Наполеон в России: судьба легенды // Российская история. 2012. № 6. С. 143–157.

SeKirinskii` S.S. Napoleon v Rossii: sud`ba legendy // Rossii`skaia istoriia. 2012. № 6. S. 143–157.

¹⁶ Булдаков В. П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45; *Его же*. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2013.

BuldaKov V.P. Krizis imperii i revoliutcionny`i` natsionalizm nachala XX v. v Rossii. // Voprosy` istorii. 2000. № 1. S. 29–45; *Ego zhe*: Utopiia, agresiiia, vlast`. Psihosotcial`naia dinamika postrevoliutcionnogo vremeni. Rossiia, 1920–1930 gg. M., 2013.

¹⁷ Соколов Б. В. Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «красного маршала». Смоленск, 1999; *Его же*. Истребленные маршалы. Смоленск, 2000; *Его же*. Тухачевский. Жизнь и смерть «красного маршала». М., 2003; *Его же*. Тухачевский / Серия: ЖЗЛ. Выпуск № 1304 (1104). М., 2008.

Sokolov B.V. Mihail Tuhachevskii`: zhizn` i smert` «krasnogo marshala». Smolensk: Rusich, 1999; *Ego zhe*. Istreblyennye marshaly`. Smolensk: Rusich, 2000; *Ego zhe*. Tuhachevskii`. Zhizn` i smert` «krasnogo marshala». M.: Veche, 2003; *Ego zhe*. Tuhachevskii` / Seriiia: ZHZL. Vy`pusk № 1304 (1104). M., 2008.

С. Т. Минаков на основе социокультурного анализа советской военной элиты 1920-х гг. в деталях выясняет вопрос об отношении эмигрантских кругов к «делу Тухачевского» и об истоках формирования «наполеоновской легенды» в среде эмиграции и в странах Запада¹⁸. Для Ю. З. Кантор суть проблемы видится в особенностях личности Тухачевского и в реакции на неё со стороны как советского руководства, так и определённых кругов Запада¹⁹.

Другие кандидаты в советские бонапарты удостоились гораздо меньшего внимания историков. Об обвинениях Г. К. Жукова в бонапартизме с разной степенью полноты говорится в различных биографиях маршала²⁰.

Феномену «советского бонапартизма» зарубежные исследователи не уделяли большого внимания, отчасти затрагивая его главным образом в биографиях. О «бонапартах» эпохи Гражданской войны рассказывает украинский историк В. А. Савченко, в форме исторического расследования выясняя потенциальные и реальные претензии боевых командиров эпохи на роль «красных бонапартов»²¹.

Отметим также книгу американских коммунистов М. Сейерса и А. Кана «Тайная война против Советской России»²². В созданной по заказу Кремля и вышедшей в 1947 г. работе, опирающейся только на официальные советские публикации²³, озвучивалась версия, в соответствии с которой Тухачевский был настоящим «красным Бонапартом», с юных лет сравнивавшим себя с Наполеоном. В свете этого как огромная заслуга Сталина представлялась его способность вовремя опознать и уничтожить «военно-фашистский заговор», приписывавшийся Михаилу Николаевичу.

В целом большинство зарубежных авторов сомневаются в реальности «заговора Тухачевского». Так, польский историк П. Вечеркевич счита-

¹⁸ Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. Орёл, 2000; *Его же*. Сталин и заговор генералов. М., 2004; *Его же*. 1937 год. Заговор был!

Minakov S.T. Sovetskaia voennaia e`lita 20-kh godov. Oryol, 2000; *Ego zhe*. Stalin i zagovor generalov. M.: Iauza, 2004; *Ego zhe*. 1937 god. Zagovor by`l!

¹⁹ Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005.

Kantor Iu. Z. Voi`na i mir Mihaila Tuhachevskogo. M., 2005.

²⁰ Карпов В. В. Маршал Жуков: Опала. М., 1994; *Дайнес В. О.* Жуков. М., 2010; *Соколов Б. В.* Георгий Жуков: триумфы и падения. М., 2004; *Краснов В. Г.* Жуков. Маршал великой империи. Лавры и тернии полководца. М., 2005.

Karpov V.V. Marshal Zhukov: Opala. M., 1994; *Dai`nes V.O.* Zhukov. M., 2010; Sokolov B. V. Georgii` Zhukov: triumfy` i padeniia. M., 2004; Krasnov V. G. Zhukov. Marshal velikoi` imperii. Lavry` i ternii polkovodtca. M., 2005.

²¹ Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. Харьков; М., 2000.

Savchenko V. A. Avantiuristy` grazhdanskoï` voi`ny`: Istoricheskoe rassledovanie. Har`kov; M., 2000.

²² Сейерс М., Канн А. Тайная война против Советской России. М., 1947.

Sei`ers M., Kann A. Tai`naia voi`na protiv Sovetskoï` Rossii. M., 1947

²³ Соколов Б. В. Тухачевский. Жизнь и смерть «красного маршала». С. 87–89.

Sokolov B.V. Tuhachevskii`. Zhizn` i smert` «krasnogo marshala». S. 87–89.

ет, что заговор был целиком фальсифицирован Сталиным, хотя не отрицает и существования определенного недовольства среди военных²⁴. Шведский исследователь Л. Самуэльсон также не верит в перспективу Тухачевского как «советского Бонапарта». Историк полагает, что, возможно, «для ареста в 1937 г. Тухачевского и других военачальников, обвинённых в подготовке «военного заговора» с целью захвата власти, установления военной диктатуры и расчленения страны Германией и Японией», послужили предлогом сфабрикованные нацистами документы о связях Тухачевского и германского Генштаба²⁵.

А. Г. Бармин, советский разведчик, перебежавший на Запад ещё в 1937 г., выпустил в США в 1945 г. книгу, где утверждал, что Тухачевский пал невинной жертвой сталинского террора²⁶. (В значительной степени книга М. Сейерса и А. Кана задумывалась как ответ на публикацию Бармина).

Представительница второй волны русской эмиграции Л. А. Норд (имеется в виду Ольга Алексеевна Оленич-Гнененко, приходившаяся дальней родственницей второй жене Тухачевского, Н. Е. Гриневиц)²⁷ в своей беллетризованной биографии Тухачевского, фрагменты которой ещё в 1950-е гг. публиковались в парижском журнале «Возрождение», утверждала, что никакого заговора Тухачевского не существовало, тогда как бонапартистские амбиции Сталин приписывал Михаилу Николаевичу с целью попросту устранить его с государственной сцены²⁸. Подобной же точки зрения придерживается по этому вопросу британский историк С. Себаг-Монтефиоре²⁹.

Концепция «германского следа» в деле Тухачевского также пользуется популярностью у ряда авторов. Так, французский журналист В. Александров полагал, что заговора Тухачевского не было, а маршал стал жертвой успешной провокации германской разведки, подбросившей Сталину документы, «разоблачавшие» связи Тухачевского с немецкими генералами

²⁴ *Wieczorkiewicz P. P. Sprawa Tuchaczewskiego*. Warszawa, 1994.

²⁵ *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление советского военно-промышленного комплекса 1921–1941 / пер. со шведского. М., 2001. С. 213.

Samuelson L. Krasny`i koloss. Stanovlenie sovetskogo voenno-promy`shlennogo kompleksa 1921–1941 / per. so shvedskogo. M., 2001. S. 213.

²⁶ *Barmine, Alexander One Who Survived*. New York, 1945. P. 7–8.

²⁷ *Равдин Б., Суперфин Г.* Тайна жизни писательницы (Письмо в редакцию) // Наша страна (Буэнос-Айрес). № 2792. 2006. 18 март.

Ravdin B., Superfin G. Tai`na zhizni pisatel`nitcy` (Pis`mo v redak-tciiu) // Nasha strana (Bue`nos-Ai`res). № 2792. 2006. 18 mart.

²⁸ *Норд Л. А.* Маршал Тухачевский // Возрождение. Париж, 1957. № 63–69, 71.

Nord L. A. Marshal Tuhachevskii` // Vozrozhdenie. Parizh, 1957. № 63–69, 71.

²⁹ *Sebag Montefiore, Simon. Stalin: Court of the Red Tsar*. London: Phoenix, 2003. P. 221–222.

и его намерения осуществить военный переворот³⁰. Эту позицию разделяет и американский историк П. В. Блэксток³¹.

Фигура Георгия Константиновича Жукова, маршала и четырежды героя Советского Союза, не могла не вызывать рефлексий по части бонапартистского звучания этого яркого исторического образа. В отличие от Тухачевского, мнения зарубежных исследователей насчёт «бонапартистских» устремлений этой видной фигуры советской военной истории расходятся. И если американские журналисты Ф. Нибел и Ч. Бейли успешно продвигали версию о реальности бонапартистского замысла Жукова, то американский историк У. Спар, писавший биографию Жукова в контакте с семьей маршала, утверждал, что у Жукова бонапартистских замыслов не было, хотя Хрущёв и подозревал его в таковых³². Британский историк Роберт Форчик полагает, что снятие Хрущёвым Жукова с поста министра обороны и выведение его из состава Президиума ЦК произошли из-за того, что маршал стал проявлять независимость, но при этом не упоминает ни о каких-либо планах Жукова осуществить переворот, ни о подозрениях самого Хрущёва по этому поводу³³.

История осмысления темы «советского бонапартизма» – тема, исследовательски открытая для новых подходов и трактовок, – позволяет говорить о существовании своего рода «бонапартистского синдрома» как устойчивого фактора (или компонента) системы представлений, сформировавшейся в советской властной элите с самого момента её появления в качестве таковой. И это при том, что же по объективным условиям строения и функционирования советского государства сама почва для смены власти путем бонапартистского переворота не создавалась. В отсутствии политической жизни, идейной борьбы и возможности оппозиционного апеллирования к массам советским военачальникам негде было учиться на «бонапарта-политика», а тем более успешного реализовываться в этом качестве.

Фобийная составляющая устойчивой тревоги (в ожидании «бонапарта») оказывала гораздо больше влияния на политику большевистского, советского руководства, чем реальное поведение тех, в ком подозревали наличие бонапартистских амбиций. Бонапартистская схема, как устойчивый «репертуар» иррациональных страхов, угроз и обвинений, довлекла над умами советских руководителей, толкая их порой на превентивные меры.

Бонапартистская схема подвигала советское руководство на такие превентивные меры, как арест И. И. Вацетиса в 1919 г., расстрел М. Н. Тухачевского и других военачальников в 1937–1938 гг. Однако реальные бонапартистские угрозы не соответствовали суровости мер. Атаманы, отважившиеся на выступление против большевиков (М. А. Муравьев и

³⁰ Александров В. Дело Тухачевского / пер. с фр. Ростов-на-Дону, 1990.

Alexanderov V. Delo Tuhachevskogo / per. s fr. Rostov-na-Donu, 1990.

³¹ Blackstock Paul W. The Tukhachevsky Affair // Russian Review. Vol. 28. No. 2 (April, 1969). P. 171–190.

³² Спар У. Жуков: Взлёт и падение великого полководца. М., 1995.

Spar U. Zhukov: Vzlyot i padenie velikogo polkovodtca. M., 1995.

³³ Forczyk, Robert. Georgy Zhukov: Leadership. Strategy. Conflict. London, 2012. P. 59.

Н. А. Григорьев), серьёзной опасности для власти не представляли. Другие же потенциальные «бонапарты» в годы гражданской войны (Миронов, Думенко) так и не поднялись до открытого выступления с целью захвата власти. Аресты и расстрелы Думенко и Миронова носили по большей части превентивный характер. С. М. Будённый благополучно вписался со временем в советскую военную номенклатуру, не претендуя на политическую роль. Но главное отличие названных от исторического прототипа было в том, что главного «бонапартистского “капитала”» они не имели – крупных военных побед за ними не числилось. К тому же они не обладали ни опытом, ни талантом для успешного отправления политической роли «бонапарта». Единственный советский лидер, который имел подобный потенциал – Троцкий, – не только отказался от этой роли, но и выступил принципиальным идейным критиком этого явления.

Но эта же схема с парадоксальной эффективностью позволяла власти вполне рационально использовать сложившийся стереотип «советского Бонапарта» и соответствующие опасения в своих политических целях. Подобная рациональность при создании и утилизации исторических символов, личных прецедентов, ролевых функций, традиционных фобий и актуальных обвинений по поводу «бонапартистских угроз», периодически воспроизводивших себя в мифологическом пространстве советского властного дискурса, представляется интереснейшим и до конца не изученным объектом, нуждаясь в новых познавательных стратегиях и расширении границ толкований.

Список литературы:

1. *Булдаков В. П.* Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1.
2. *Ганин А.* «Смоленск продиктует свою роль Москве». Военная элита и подготовка бонапартистского переворота в СССР // Родина. 2013. № 4.
3. *Зданович А.* «Тёплая компания» «Красного Бонапарта» // Родина. 2010. № 12.
4. *Лазарев С. Е.* В поисках «русского Бонапарта». «Заговор маршалов» был выдуман в Париже? (Точки зрения. Суждения. Версии) // Военно-исторический журнал. 2013. № 5.
5. *Минаков С. Т.* 1937 год. Заговор был! М., 2010.
6. *Минаков С. Т.* Сталин и его маршал. М., 2004.
7. *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление советского военно-промышленного комплекса 1921–1941 / пер. со швед. М., 2001.
8. *Секиринский С. С.* Наполеон в России: судьба легенды // Российская история. 2012. № 6.
9. *Соколов Б. В.* Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «красного маршала». Смоленск, 1999.
10. *Сорокин П. А.* Социология революции. М., 2008.
11. *Barmine, Alexander* One Who Survived. New York, 1945. P. 7–8.
12. *Blackstock Paul W.* The Tukhachevsky Affair // Russian Review. Vol. 28. No. 2 (April, 1969).

13. *Forczyk, Robert. Georgy Zhukov: Leadership. Strategy. Conflict. London, 2012.*

«NAPOLEON'S SUBSTITUTE» ON THE QUESTION OF SOVIET BONAPARTISM DEFINITIONS

T. A. Filippova

Russian Academy of Sciences, the Institute of Russian History, *Moscow*

The article by T. A. Filippova analyzes the history of interpretation of the «Soviet Bonapartism» in two aspects: as a product of fear, a sustainable sociopsychological condition of a part of post-revolution society, and as an important factor in the system of representations which began to form inside the Soviet power elite since the moment of its emergence. The research material vividly demonstrates that the Bonapartist system as a «repertoire» of irrational conditions, threats and accusations prevailed over the minds of Soviet leaders sometimes pushing them towards preventive repressive measures against army commanders suspected in «Bonapartist» ambitions. But the same scheme allowed using the established «Soviet Bonaparte» stereotype in one's interests with paradoxical efficiency. Such rationality in constructing and utilizing historical symbols, personal precedents, role functions, traditional phobias and actual accusations of «Bonapartist threats» properly worked and reproduced itself in mythological space of the power discourse. The research demonstrates that the phenomenon of the «Soviet Bonapartism» in the mirror of scientific and social representations is an interesting and not fully studied problem that requires new cognitive strategies and wider borders of rendition.

Keywords: *Soviet Bonapartism, Civil War in Russia, Soviet State, World Revolution, L. D. Trotsliy, I. V. Stalin, M. N. Tukhachevsky, G. K. Zhukov, Napoleon Bonaparte, Louis Bonaparte, military coup, worker's democracy.*

Об авторе:

ФИЛИППОВА Татьяна Александровна – Российская Академия наук, Институт российской истории, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. (117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: filipova2006@yandex.ru

About the author:

FILIPPOVA Tatiana Alexandrovna – the candidate of historical sciences, the senior research fellow, the Russian academy of sciences, the Institute of Russian history, (117036, Moskva, ul. Dm. Ulianova, 19), filipova2006@yandex.ru

References

- Buldakov V. P. Krizis imperii i revolyutsionnyi natsionalizm nachala XX v. v Rossii // Voprosy istorii. 2000. № 1.
- Ganin A. «Smolensk prodiktuet svoyu rol' Moskve». Voennaya elita i podgotovka bonapartistskogo perevorota v SSSR // Rodina. 2013. № 4.
- Zdanovich A. «Teplaya kompaniya» «Krasnogo Bonaparta» // Rodina. 2010. № 12.
- Lazarev S. E. V poiskakh «russkogo Bonaparta». «Zagovor marshalov» byl vyduman v Parizhe? (Tochki zreniya. Suzhdeniya. Versii) // Voenno-istoricheskii zhurnal. 2013. № 5.
- Minakov S. T. 1937 god. Zagovor byl! M., 2010.
- Minakov S. T. Stalin i ego marshal. M., 2004.
- Samuel'son L. Krasnyi koloss. Stanovlenie sovetskogo voenno-promyshlennogo kompleksa 1921–1941 / per. so shved. M., 2001.
- Sekirinskii S. S. Napoleon v Rossii: sud'ba legendy // Rossiiskaya istoriya. 2012. № 6.
- Sokolov B. V. Mikhail Tukhachevskii: zhizn' i smert' «krasnogo marshala». Smolensk, 1999.
- Sorokin P. A. Sotsiologiya revolyutsii. M., 2008.

Статья поступила в редакцию 14.02.2014